

В. Г. Короленко

На заводе
(Две главы из неоконченной повести)

В. Г. Короленко. Собрание сочинений. Т. 4
Библиотека "Огонек"
М., "Правда", 1953

І. Два мальчика

Завод работал. Приближался полдень жаркого весеннего дня, и площадь перед заводом притихла. Лачуги, где жили семьи рабочих, глядели на площадку подслеповатыми маленькими окнами. Движения не было. Казалось, заводская слободка томится в ожидании обеденного свистка...

Начальник завода Доримедонт, или, как его звали рабочие, -- Дормидон Иваныч Бахрушин, вышел из своего просторного и светлого, но довольно скромного дома и направился через площадь к заводу. Каждый день в это самое время выходил он из дому и проходил через площадь обычной неторопливой походкой, глядя на молчаливую, хорошо знакомую слободку несколько заплывшими добродушными глазами. Это был мужчина немолодой, довольно тучный, с красным лицом, еще более красным носом и большими опущенными вниз усами. Одет он был в старую полушинель с потускневшими медными пуговицами, а на голове у него, несмотря на жару, была надета косматая баранья папаха.

Пройдя менее четверти пути, Дормидон Иваныч остановился, прикрыл глаза ладонью от солнца и присмотрелся к фигуре, бежавшей по боковой дорожке наперерез.

-- Поп бежит... -- констатировал он, и легкая улыбка шевельнула его усы. За попом, слегка упираясь, бежал какой-то мальчишка, которого он тянул за руку, и другой, бежавший в нескольких шагах сзади.

-- Здравствуйте, батюшка, куда так торопитесь?.. -- произнес Дормидон Иваныч, подойдя к тому месту, где дорожка пересекалась.

-- К вам, Доримедонт Иванович, -- к вашей милости прибегаю...-- ответил запыхавшийся священник...-- Не угодно ли будет?..

И он протянул начальнику завода табакерку.

-- Отроков вот хочу на завод определить...

-- А чьи они? -- спросил начальник, взяв из табакерки священника порядочную понюшку. Он старательно закладывал табак, закрыв одну ноздрю и прижмурив один глаз.- Священник, рядом с которым стояли два маленьких оборванца, только что собрался ответить, как вдруг Дормидон поднял голову, сделал ужасную гримасу и громогласно чихнул.

-- Здорово чхнул...-- простодушно заметил один из оборвышей, ширококостный загорелый мальчишка с черными, несколько дикими глазами.

-- Что сказал? -- спросил начальник завода, склоняя ухо, чтобы лучше слышать, и уставившись на мальчишку добродушными заслезившимися глазами. При этом большой пунцово-красный нос, еще разгоревшийся от только что принятого заряда, привлек на себя наивную наблюдательность маленького дикаря.

-- Нос у тебя... ну, и красный же!-- сказал он и покачал головой.

-- Ах ты шельмец,-- заворчал начальник брюзгливым голосом.-- Тебе, негодяю, какое дело... А! Скажите, пожалуйста!

И он протянул было руку, чтобы схватить мальчишку за вихор. Но юркий дикарь ловко увернулся.

-- Сиротки-с, -- вздохнул священник, отвечая на первый вопрос начальника и стараясь замаять неловкую выходку мальчишки.

-- Нет, вы посмотрите-ка... Нос ему не понравился, извольте видеть!.. -- жаловался Дормидон, обиженно глядя искоса на мальчика, который стоял в трех шагах. Маленький дикарь понял, что старик с красным носом осердился, и потому он держался настороже, видимо готовясь в случае крайности к побегу.

-- Простите несмысленного... -- кротко заметил священник. -- Сиротки оба, некому было научить... -- И он опять протянул начальнику табакерку.

-- Откуда? -- спросил Дормидон, смягчаясь.

-- Моего приходу. Один из Палихи, вот этот (и он указал на черного дикаря). Мать недавно умерла, а отец, может, слышали, -- духовного звания человек, расстрига, где-то по свету шатается. Неведомо, жив ли, или принял уже безвестную кончину. А другой, -- священник наклонился и добавил шепотом: -- происхождения, можно сказать, благородного.

При этих словах отец Иоанн потрянул свою широкую рясу, точно желал из нее вытряхнуть жука или таракана. Действительно, сзади, стараясь укрыться в складках, прильнул к священнику худой белокурый мальчишка. Два больших глаза, испуганных, точно у пойманного голубя, уставились на Дормидона, и мальчик опять потянулся к священнику грязными худыми ручонками.

-- Вот оно что...-- кивнул Дормидон головой.-- Как же это... а?.. случилось-то?..

Священник опять наклонился к уху начальника.

-- Была тут, знаете, духовного звания вдовица... в бедственной своей жизни совратилась с пути... Вероятно, изволили знать господина Пандектова, инженера...

-- Знал... От него, подлеца, можно ожидать.

Священник вздохнул и слегка возвел глаза к небу.

-- В Петербурге теперь, говорят... наслаждается жизнью, а несчастная сия, приняв многое бесчестие и тяжело искупив свой грех, недавно скончалась. Так вот я к вашей милости прибегаю с заступничеством. Примите сырых на ваш завод...

Дормидон опять принял понюшку, прочихался, на этот раз без всяких замечаний со стороны дерзкого Сеньки, и затем кликнул проходившего мимо чернорабочего.

-- Эй ты, как тебя...

Рабочий подошел и, неповоротливо сняв фуражку, ответил;

-- Аксёном звали.

-- Куда идешь, Аксён?

-- Да вот, Дормидон Иваныч, от монтера теперича...

-- Ну ладно, от монтера после сходишь. А пока веди вот этих двух к шорнику. Слышишь? Скажи: начальник прислал. Пусть пока в сторожевской живут. Кормить их там... понимаешь?..

-- Понимаем... -- кивнул рабочий головой. -- Ну ступай, пострелята, вперед!

Священник перекрестил мальчишек уже вдогонку и пошел по улице рядом с Дормидоном, довольный, что удалось исполнить доброе дело. Судьбу двух сироток он считал устроенной. Неуверенным шагом двое мальчишек, приближавшихся теперь к черным воротам завода, вступали на определенную жизненную дорогу.

Из большой трубы, торчавшей над заводскими постройками, валил дым; глухой смешанный гул несся из темных заводских зданий. Гул этот, по мере того как мальчишки подходили к заводу, усиливался и будто надвигался на них. Белокурый Ванька, быть может, от благородных родителей унаследовал более тонкую организацию и чуткое воображение; его лицо все более омрачалось и становилось грустнее. В угрюмом ворчании завода ему слышался скрежет и сдержанное злобное ожидание... Темная полоса дыма лениво и с какой-то безнадежной медленностью развевалась траурной полосой высоко в синем небе; теперь она клубилась над его головой, скрывая солнце, и ее мрачная тень отражалась на детском лице. Голубые глаза наполнялись слезами, зрачки расширялись, и выражение незащитности и покорного страха застывало в тонких чертах. Когда дети прошли по коридору входной будки и ступили во двор, их поразило внезапно наступившее молчание. Стук, грохот и металлический скрежет завода вдруг прекратились, точно по волшебству, и только черный дым попрежнему застилал солнце.

-- Пошел, пошел, -- чего боишься, -- подтолкнул рабочий остановившегося в испуге мальчишку. -- Слышь, братец! -- окликнул он пробежавшего мимо другого рабочего. -- Где шорник?

-- У главного приводе, -- сказал тот, пробегая мимо. -- Вишь, она стала.

Они направились через двор к темневшей внизу двери.

-- Тебя как кличут, слышь?

Ванька почувствовал, что его дергают за рукав. Это невольный товарищ его бедствий, храбрый Сенька, нашел в себе достаточно развязности, чтобы вступить в разговор. Ванька посмотрел на него мутным взглядом и ничего не ответил; но этот немой взгляд, эти искаженные черты были, повидимому, очень красноречивы; казалось, они объяснили менее чуткому Сеньке их общее положение. Он взглянул на сдержанно молчавшее темное здание, на черную пелену дыма, которая все так же медленно клубилась в вышине, и вдруг остановился. Его черные глазенки забежали по сторонам, вся юркая фигура как-то сократилась, точно у

зверька, готовящегося скользнуть в какую-нибудь нору. Провожатый вовремя заметил эти приготовления и поспешил разрушить их посредством легкого подзатыльника.

-- Пошел, пошел вперед... Ишь озирается, волчонок...

Сенька рванулся было вперед, но вдруг повис на воздухе, прихваченный за шиворот крепкой рукой. Ванька смотрел на эту сцену с выражением горестного изумления.

Через несколько секунд Сенька, барахтавшийся ногами, очутился внутри здания, у входа в кочегарную.

Провожатый поставил его на пол, выждал, пока Ванька покорно последовал за ними, и уселся на пороге.

-- Шорни-ик!.. -- окрикнул он, вынимая кисет с табаком.

-- Здесь,-- глухо произнес будто из-под земли невидимый голос.

-- Мальчишек я к тебе привел от начальника.

-- погоди.

-- Да один, слышь, стрекануть норовит...

-- Посторожи. Сейчас я...

Ванька прижался к стене; его строптивый товарищ, видя выход загороженным, сердито потупился и как-то искоса боком подошел к тому же месту.

-- Гляди-ко-сь... внизу-то, внизу-то...-- сказал он через несколько секунд, опять дергая Ваньку за рукав. Но Ванька и без этого приглашения не мог оторвать глаз от зрелища, зиявшего в трех шагах под их ногами.

Несколько каменных ступенек обрывались в темноте громадного подполья. В глубине этой ямы красноватый свет ходил неопределенным отблеском во мраке, на фоне которого сверкали два громадные огненно-красные глаза; из-за раскаленных докрасна печных заслонок слышалось сердитое ворчание и треск пламени.

Что-то лязгнуло в глубине ямы, одна заслонка быстро распахнулась, пламя пыхнуло из нее, и на светлом фоне появился черный силуэт человека. Сунув длинную кочергу в огонь, он быстро и с ожесточением стал шевелить спекшуюся грудку угля. С бешеным треском поднялась туча искр, и человек потонул на мгновение в ослепительном блеске.

-- И-и, страсти какие...-- произнес Сенька.-- Как это он... Батюшки!

Заслонка хлопнула, один огненный глаз закрылся, но тотчас же открылся другой, и опять туча искр и окалины взвилась кругом темной фигуры.

-- Ты думаешь -- кто это? -- спросил неутомный Сенька, толкая товарища локтем. Тот молчал.

-- Не знаешь?.. А я знаю, потому, это кочегар Микита. Брови у его вовсе сгорели; я вчера видел.

Ванька повел на товарища своим испуганным взглядом. Впрочем, эти обыденные подробности насчет кочегаровых бровей, повидимому, производили на него успокоительное действие.

-- А ты, небось, думал -- чорт это. А? думал?

-- Думал,-- жалобно повторил Ванька.

-- Го-то-о-о-во!!-- вдруг точно из земли глухо выкрикнул чей-то голос. "То-о-о-во! во-о-о!!--" -- повторило будто удалявшееся эхо. Где-то вдали зашипело что-то протяжно и с усилием, потом дрогнул удар, другой, третий. Казалось, под зданием ворочалось что-то тяжелое... Кто-то старался сдвинуть с места громадную телегу.

-- Берегись, эй! Пострелята!.. Отойди от колеса, от колеса-то отойди!-- крикнул доставивший мальчишек рабочий. Легкая струя воздуха пахнула на них и полилась струей ветра. Мальчики отскочили к противоположной стене.

У того места, где они раньше стояли, началось движение. Прижавшийся к стене громадный маховик, наполовину спрятанный в отверстии пола,-- дрогнул, качнулся, и мальчишкам показалось, что колесо гигантской телеги набегаёт на них. Ветер ударил сильнее, колесо заворчало, громадная спица выглянула из-под пола, скользая на сером фоне стены. Она лениво поднялась, стала вертикально, склонилась и торопливо нырнула в подполье, увлекая за собой другую; через минуту колесо, ворча, шипя и слегка колеблясь, скользило по круговой линии, тяжело вздрагивая на ходу, а спицы взлетали и падали одна за другой, без остановки и перерыва.

Телега была в полном ходу. Внизу, под полом, за стенками и над головами мальчишек покотился немолчный грохот. В смежной длинной мастерской, на которую до этой минуты мальчишки не обращали внимания, какой-то хаос из валов, поршней, колес, ремней, станков и людей теперь пришел в движение, присоединяясь к общему гулу. Железо завизжало металлическим скрежетом, шестерни дребезжали, точно пересыпаемые камни, приводные ремни сухо трещали и шипели, рассекая в бесконечном движении воздух...

У Ваньки кружилась голова. Его глаза поворачивались инстинктивно, следя за быстро мелькавшими спицами; в лице застыло выражение бессмысленного страдания, глаза потускли, веки отяжелели. Гигантская телега набежала на него, и он слышал со всех сторон над собой, вокруг, даже внутри замиравшего сердца ее неумолкающий грохот.

Он уже не отдавал себе ясного отчета в том, что происходило, и несколько не удивился, когда из-под пола, у самого центра колеса, в том месте, где свистели и мелькали чугунные спицы, появились очертания человеческой фигуры. Ему казалось, что спицы проходят через эту фигуру насквозь, не задевая ее и не принося ей вреда, но это его не поразило. Фигура налегла на руки, человек поднялся и вспрыгнул на пол.

-- А который тут бегун у тебя? -- обратился он к сидевшему у порога рабочему.

-- Эво! -- мотнул тот головой, отряхая в кисете крошки табаку.

Рука так внезапно появившегося человека вдруг прихватила Сеньку за вихор.

Пораженный в первую минуту удивлением, Сенька только двигал покорно головой вслед за рукой шорника. Однако вскоре он потерял терпение и испустил, без всяких предварительных приготовлений, такой

громкий и отчаянно резкий вопль, что из соседней мастерской стали выбегать рабочие, и даже безбровый и весь опаленный кочегар сверкнул из ямы своими белыми зубами. Шорник выпустил волосы Сеньки.

-- Ишь чертенюк... Как его, братцы, прорвало,-- сказал он не без удивления.

-- Ловок орать! -- прибавил чернорабочий, закуривая цыгарку.

Действительно, во время своей недолгой, но уже исполненной самых горестных приключений жизни, Сенька успел выработать особую интонацию крика, которая, как он убедился многократным опытом, озадачивала и ошеломляла всякого настолько, что наказующая рука инстинктивно разжималась.

Это было своего рода орудие в житейской борьбе, и Сенька владел этим орудием в совершенстве.

II. Барышня

С тех пор, как Ваньке крикнули в первый раз: "берегись" и он отскочил от колеса, с тех пор, как грохот завода в первый раз охватил его со всех сторон и покатился над его головой,-- ощущение страха и какой-то "жуткости" уже не прекращалось. Гигантская телега все катилась, ворочая тяжелыми колесами, громыхая и угрожая со всех сторон.

-- Берегись! -- кричали Ваньке в мастерских, где ремни грозили захватить его своим вращением,-- берегись, берегись, берегись!...-- Тачки с железом мчались мимо, катились стопудовые валы, громадные цилиндры, препровождаемые в сборную, перекатывались сердитым и гулким громом.-- Берегись!

Яркая жгучая окалина сыпалась из-под молотов в кузнице, в кричной на железных шестах носили раскаленные докрасна "крицы", переливавшие пламенем и трещавшие, будто от ярости, от страшного жара, из-под прокатных валов тянулась горячая сталь,-- и всюду Ваньке кричали: "берегись", и всюду он чувствовал себя на дюйм от опасности и гибели; в лучшем случае ему приходилось жмуриться от предостерегающих подзатыльников.

Даже ночью, в сторожевской, он всхлипывал по временам и нервно вздрагивал, а чуть брезжило утро, резкий свисток опять кричал ему: "берегись", и мальчик быстро вскакивал на ноги, предупреждая неласковое прикосновение суровой руки шорника.

Оба мальчика поступили к шорнику в науку. Наука была нехитрая: нужно было заготавливать тонкие ремешки и сшивать ременные полосы. Каждые полчаса откуда-нибудь кричали: "шорни-и-к!",-- и старик кидался по лестнице вниз, чтобы связать разорванный привод. В свободные промежутки он чинил старые сапоги, бродни и бабьи "чирки", что давало ему сторонние доходы. Этой премудрости он начал обучать и своих новых учеников.

Впрочем, у мальчишек, кроме шорника, было немало непосредственного начальства: в сущности весь завод заявлял на них права, и, как шорник ни ворчал и ни ругался,-- все же их то и дело посылали в разные концы завода с самыми разнообразными поручениями.

Сенька быстрее ориентировался в суетливой обстановке. Он сначала присмотрелся к наиболее опасным местам, изучил характер машин, запомнил, где выдвигаются поршни, где можно получить удар какого-нибудь рычага, каких-нибудь железных пальцев, шнырял незаметно и быстро под руками особенно сердитых рабочих. В несколько недель он усвоил уже и общий ход всего грохочущего и вечно подвижного чудовища-завода и сделал попытку приладиться к нему с наибольшим удобством.

В большой комнате, где работал шорник, в углу лежали кучи железной лопы и всякого мусора. У окна, освещавшего эту комнату, шорник приладил свою незатейливую мастерскую. Дальняя половина тонула в вечном сумраке, падавшем от потемневших и закоптелых стен. Когда дверь была заперта, в комнате становилось сравнительно тихо. Гул и грохот завода скрадывали сумрачные стены, и только окна вздрагивали по временам и жалобно звенели от тяжелых ударов парового молота.

Однажды, когда шорник вышел, Сенька проскользнул за мусорную кучу и прилег там в уютном углу. Заслышав шаги по лестнице, мальчишка тотчас же выскочил оттуда, но угол ему понравился. Он натаскал туда сена и устроил гнездо.

Понемногу он стал смелее, и когда шорник возвращался на место, он продолжал лежать еще некоторое время. Затем, тихо прокравшись к двери, вбегал в комнату, будто возвращаясь откуда-нибудь с "посылки". Ванька только дивился смелости своего друга.

Однажды шорника позвали к главному приводу. Он собрал целую вязанку тонких ремешков, взял нож, широкую полосу ремня и удалился. Сенька тотчас же юркнул в гнездо.

-- Ванько, а Вань!-- окликнул он, выглядывая оттуда, как заяц из своей ямки.-- Подь сюда, а-ты!.. Право.

Ванька испуганно оглянулся. Предложение было заманчиво и страшно. По случаю большого заказа завод работал усиленно, и на мальчишках это обстоятельство отражалось тем, что их глаза подвелись синими кругами и потускли, ноги ныли от постоянной беготни, а подзатыльники сыпались на них еще чаще.

Ванька робко подошел к мусорной куче. Сенька лежал там, будто на перине. Его совсем не было видно, места было более чем достаточно на обоих. Ванька поддался соблазну. Через несколько минут в ушах Ваньки грохот завода стал будто стихать, стушевываться к, наконец, совсем смолк, только ноющее чувство страха и грозящей беды не перестало носиться над головой уснувшего ребенка.

Характер у шорника был суровый. Сидя в своей мрачной комнате, на "седухе", он не знал никогда "спокою", ежеминутно ожидая призыва к приводам. Такая собачья должность, естественно, располагала к

некоторой жесточенности нрава, и потому шорник вечно ворчал что-то про себя, ругая и людей, и завод, и ремни, и даже скотину, из которой ремни были приготовлены.

Этой же строгостью были отмечены и отношения шорника к ученикам. Он понимал, что мальчишки отданы ему в "науку", и имел довольно высокое представление о своем долге по отношению к ним, но осуществлял этот долг по-своему: задавал ворча работу, ворчанием же выражал свое удовольствие, если работа исполнялась хорошо,-- недовольствие же и наставление преподавал в форме трепки и подзатыльников.

Вернувшись от главного привода, он заворчал, что мальчишек опять услали. "Не собаки тоже... и опять же надо к делу обучать, а вместо того,-- все на побегушках. Сказать Дормидону... ей-богу, баловство!" Он сердито поправил ногой седуху, сердито приладил широкую полосу ремня и жесточенно воткнул в нее трехгранное шило. Вдруг его серое лицо вытянулось, брови приподнялись от удивления. Из угла послышался долгий вздох сладкого сна.

Прислушавшись еще, шорник подошел к мусорной куче, взглянул за нее и остановился, пораженный изумлением: мальчишки спали, обнявшись. Ванька свернулся при этом калачиком и спрятал голову на груди Сеньки. Последний одной рукой охватил приятеля, другую широко откинул и весь развалился. Эта возмутительная поза, казалось, была рассчитана нарочно, чтобы возбудить в шорнике сильнейшее негодование, так эта мирная беспечность противоречила сердитой озабоченности гремящего и пыхтящего завода.

Завод имел свои неписанные, но непреложные законы. Как за свистком следовало начало работ, с такой же неизменностью за проступком мальчишек должна была последовать трепка. Данный проступок выходил из ряду; он поразил шорника своей неожиданностью и громадностью вины. Вечно гремящий завод не знал, пожалуй, ничего, что больше нарушало бы его уставы, чем этот мирный сон в тихом углу двух забывшихся мальчишек. Если бы они не спали в эту минуту, они бы сами слышали укоризненный рев старого завода, призывающий на них примерную кару.

Шорник был человек систематический. Очнувшись от удивления, он приотворил дверь и, перегнувшись через перила лестницы, поманил к себе рабочего из кочегарной. Тот вошел в комнату, взглянул по молчаливому указанию шорника на мальчишек и осклабился с довольным видом. Среди надоевших будней -- ему предстояло некоторое развлечение. То, в чем суровый шорник видел свой долг, для рабочего являлось своего рода удовольствием.

Шорник выбрал средней длины круглый ремень, протянул его в руке и взмахнул в воздухе. Ремень оказался подходящим,-- размашистым и хлестким. Рабочий, сверкая белыми зубами, подошел к мирно спавшим мальчишкам. План шорника состоял в том, чтобы поднять обоих за уши, а затем поочередно наказать ремнем, для чего и нужен был помощник.

Первая часть плана была исполнена с успехом. Оба преступника в одно мгновение почувствовали странное ощущение и наполовину повисли в воздухе. Шорник поднял их за уши в известной симметрии, повернул к себе и взглянул в лица мальчишек своим суровым бесстрастным взглядом. На детских лицах виднелось недоумелое выражение испуга и боли. Несколько раз хлопнув сонными глазами, они, казалось, стали приходить к пониманию действительности. Завод ревел и бесновался, шорник глядел неумолимым судьей, белые зубы кочегара сверкали равнодушным весельем.

-- Дяинька, дяинька-а-а...-- пискнул Ванька, тяжело повиснувший в левой руке шорника, между тем как Сенька барахтался с молчаливым ожесточением. Он не просил пощады. Он знал характер старого завода, знал, что спать не полагается, знал, что вечно чинить ремни и бегать по приводам невесело,-- и сумма этих знаний сложилась в представление о неизбежности жестокой трепки. И только его шустрое тельце инстинктивно барахталось, протестуя против неестественного и неудобного положения.

Шорник развел головы мальчишек и стукнул их одну об другую раз, другой... Каждый раз мальчишки щурились, и потом на их лицах появлялось выражение надежды, что это последний удар. Радостное значение этой надежды умалаялось, впрочем, видом упругого ремня, который болтался подмышкой у шорника. В третий раз мальчишки закрыли глаза в ожидании удара, и сердчишки их замерли. Но удар не последовал.

В комнате произошло что-то странное. Несколько секунд тревожного ожидания, заминка, какие-то голоса. Мальчишки открыли глаза и сначала не могли понять, что перед ними происходит. Какая-то незнакомая барышня стояла рядом с шорником, трясла его за плечо и что-то говорила быстро, взволнованно, прерывающимся и захлебывающимся голосом. Шорник оглядывался на нее с недоумением и даже испугом. Кочегар отошел к стенке с виноватым и сконфуженным видом, как будто стыдясь за свою темную и задымленную особу, а, в дверях, раскрывая свою неизменную табакерку, стоял Дормидон, искоса поглядывающий на всю сцену.

Шорник отпустил уши мальчишек, но тотчас же, все оглядываясь на незнакомую барышню, прихватил их за шиворот. Сенька быстрым взглядом окинул всю обстановку и сразу сообразил некоторую выгоду нового положения. Ему бросилась также в глаза необычайная наружность барышни: ее волосы были острижены и вились кудрями, как у мальчишки. Глаза горели, лицо было искажено женским гневом, который вот-вот разразится слезами.

-- Отпусти, отпусти совсем! -- вскрикивала она, злобно тормоша шорника за плечо.-- Слышишь, отпусти...

Шорник отвел плечо и поглядел на Дормидона, как бы спрашивая у него, что ему делать. Дормидон малодушно опустил глаза в табакерку. Повидимому, он сам не сообразил еще, как быть в этих обстоятельствах.

Он взял дочь, приехавшую из Петербурга, по ее настоянию, на завод, не предвидя последствий, и теперь предоставлял шорника его собственной находчивости.

-- Нельзя мне, барышня, чтобы отпустить... Потому я их учу,-- сказал шорник вразумительно.

-- Учит, он учит! -- с негодованием воскликнула барышня, в свою очередь поворачиваясь к отцу.

Дормидон еще пристальнее уставился в табакерку.

-- Так точно,-- отвечал шорник,-- потому они сиротки.

-- Что он говорит, что он говорит, этот ужасный человек,-- спрашивала барышня, странно мигая широко раскрытыми глазами. Видимо, она не могла понять причинную связь между сиротством и трепкой.

-- Сиротки-с,-- наставительно пояснил барышне шорник,-- то есть без отца-матери, вот что...

-- Он с ума сошел! Папа, папка, да что ж это ты? Да как же ты допускаешь сумасшедшего тиранить ребят?

-- Кажись, в своем разуме еще...-- ответил шорник тоном угрюмой обиды.

-- Как же ты не понимаешь, что сирот надо жалеть.

-- То-то жалеть, и я говорю. Кто ж их теперича без отца-матери выучит. Вы, барышня, вот что: вы не мешайте.

-- Папа! Да что он говорит? Господи! Какой невозможный человек!

Губы у барышни дрогнули; она взглянула на отца, и по лицу ее протянулась складка, как у ребенка, готового заплакать. Шорник, в свою очередь, был глубоко уязвлен названием "невозможного человека",-- названием, значение которого он не мог понять и потому считал его особенно обидным. Он тоже взглянул на Дормидона и выпустил мальчишек, как бы умывая руки.

Барышня тотчас же закрыла мальчишек собою и нервным голосом опять накинулась на шорника.

-- За уши... подымать... Ты не знаешь: ведь у них могли разойтись позвонки... шейный нерв... мгновенная смерть... Понимаешь ты?.. Ведь это убийство...

Шорник понял из этой речи только то, что теперь его обвиняют в уголовщине.

-- Слава-те, господи! Никогда душегубом не бывал, а теперь вот на старости лет в убивцы пожалован. Славно! Да вы знаете ли, барышня, что они, поскудники, сделали?

-- Что, ну, что, говори: что они сделали такое?

-- Спали они, вот что!

Барышня всплеснула руками.

-- Спали! Бедные дети! И в этом вся их вина! В детском возрасте это естественно!.. Они устали. Смотрите, какие у них глаза. Папа, да что же это у тебя делается? Ты добрый, добрый, я знаю... Пойми же: все это надо изменить, все до основанья...

-- Успокойся, Миля! -- сказал Дормидон.

Теперь он закрыл уж свою табакерку и смотрел на дочь и на шорника каким-то особенным, вдумчивым и умным взглядом.

-- Шорни-и-ик! -- раздался вдруг снизу призывный окрик. Шорник угрюмо потупился как человек, претерпевший напрасную обиду, и, собрав свои ремни, двинулся к дверям.

-- Пойдем, Миля! -- позвал Дормидон.

-- Не смей бить их,-- не смей, не смей!!-- крикнула барышня вдогонку шорнику и затем погладила головы ребят.-- Не бойтесь, детки. Он не будет. Хорошо, хорошо, иду... А все же этого не должно быть. Я придумаю.

Мальчики остались одни. Последним вышел, отделившись от стены, кочегар. Уходя, он на секунду остановился, посмотрел на мальчишек и покачал головой. "И что только теперь с вами будет, я уж и не знаю",-- казалось, хотел он сказать.

-- А что, слышь...-- заговорил первый Сенька.

-- Чего? -- откликнулся Ванька механически.

-- Как же теперича! Будет нас шорник драть ай уж нет?

-- Не знаю...-- произнес Ванька задумчиво.-- Какая она!-- добавил он помолчав.

-- Ты про барышню-то. Дочка она Дормидону приходится... Я чай, не станет драть-то. Потому барышня не велела...

И Сенька просиял. Однако тотчас же оба мальчика притихли: по лестнице опять тяжело подымался шорник.

-- Слышь, пострелята, -- заговорил он обыкновенным несколько суровым голосом, но без сердца.-- Ступай на господский двор, барышня требует... Ну, чего смотрите,-- продолжал он, усаживаясь на свою седуху.- - Не бойтесь, чай не съедят там... Вишь, и учить не дает... Ступай, ребята, ступай!.. Может, еще через это свое счастье получите.

И затем шорник стал протыкать ремень шилом и вдевать прошву. Мальчишки замялись и смотрели на шорника с чувством, близким к угрызению совести. Он не только не намерен был доканчивать экзекуцию, но сам принялся за ту работу, которую они не докончили.

Было что-то жалко угрюмое в этой серой фигуре. Шорник знал, что уж ему-то, шорнику, неоткуда ждать себе счастья, что на него вечно, до конца жизни, все так же будут глядеть эти мрачные стены, эти тусклые окна. Поэтому, передав мальчишкам приказ, он перестал обращать на них внимание, относясь к их дальнейшей судьбе с задумчивым и угрюмым равнодушием.

-- Видишь вот... Больно горяча...-- ворчал он сквозь зубы, в которых держал конец ремня.-- А мне все одно мальчишки нужны. Других взять -- только и всего. Скажу вот Дормидону, потому без мальчишек мне невозможно. Учить уж не смей... Нас, небось, не учили?.. Ну-с...

Он качал головой и улыбался, причем его жидкие усы шевелились, а губы как-то странно искривлялись. И долго в темной комнате слышалось одинокое ворчание серого угрюмого шорника.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатаемые здесь две главы из неоконченной повести "Табельщик" впервые были опубликованы под заголовком "На заводе" в 1887 году в газете "Русские ведомости" №№ 67 и 74. В 1914 году они были включены писателем в полное собрание его сочинений, изд. А. Ф. Маркса.